

В.В. Овечкин (1905—1968)

Районные будни

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

1

Был один из последних дней осени, может быть, последний день. Вчера и позавчера еще показывалось солнце. В затишке, в балках, на крутых склонах, где косые лучи падали отвесно к земле, даже пригревало. Зеленая озимь, слегка присушенная утренниками, еще тянулась к солнцу. В голых рощах щебетали птицы – запоздалые перелетные стайки щеглов, зябликов. Хрупкий стрельчатый ледок у берегов речек к полудню бесследно растаивал. Еще носилась в воздухе паутина, кружились над бурьянами мошки. К ветровому стеклу машины прибило бабочку.

А сегодня с утра подул резкий северный ветер. Все замерло в полях и рощах – ни птичьего голоса, ни пастушьего окрика. Лишь мыши-полевки сновали в сухой траве, торопясь натащить в норы побольше корму. Тяжелые тучи низко стлались над землею. Вот-вот повалит снег, закружит его метелью по полям, ударят морозы...

На краю недопаханного загона стоял гусеничный трактор, «натик», как его называют ласкательно трактористы, возле него – два человека.

– Подверни к ним, – сказал Мартынов шоферу. «Победа» съехала с дороги на жнивье, остановилась.

– Здорово, седовцы! – сказал Мартынов, выйдя из машины. Два молодых парня, тракторист и прицепщик, грелись с подветренного бока трактора, возле не остывшего еще мотора.

– Здравствуйте.....

– Почему мы седовцы, товарищ Мартынов? – спросил тракторист, круглолицый, маленького роста парень, с плутоватыми черными глазами, Костя Ершов.

– Ваш трактор похож сейчас на ледокол в Арктике. Затрет его льдами, и останется здесь на зимовку.

– Пятнадцать гектаров нужно допахать, – сказал Ершов. – Все машины ушли в МТС, одни мы вот с Кузьмой страдаем тут.

– А почему стоите?

– Горючее кончилось. Развозку ждем. Мы уж давали сигнал. – Тракторист поднял с земли длинную жердь-веху с насаженным на конец снопом сухого бурьяна. – Вон выезжает из села.

– А я думал, скажешь: ждем, пока мотор остынет, карбюратор будем перетягивать, – произнес Мартынов. – Помнишь, на уборке проса я к вам приезжал?

– Помню, – вильнул глазами в сторону Ершов. – То я тогда пошутковал.

– Испытывал секретаря райкома: понимает ли он чего-нибудь в технике?..

Мартынов прошел по пахоте, нагнулся, порылся в борозде, и теплое чувство, с которым он подъехал к этим «зимовщикам», допахивавшим последние гектары в последние часы перед снегопадом, вдруг исчезло.

– Подо что пашете? – спросил он.

– Не знаем, товарищ секретарь, – ответил, пожав плечами, улыбаясь, тракторист. – Наше дело маленькое. Скажут паши – пашем, боронуй – боронuem. А что тут будет колхоз сеять – то уж ихнее дело.

– Ты разве не колхозник?

– Колхозник.

– Как же ты не интересуешься своим хозяйством? Не знаешь, что будете здесь сеять?.. И ты не знаешь? – обернулся Мартынов к прицепщику.

– Знаю, – ответил прицепщик, Кузьма Ладыгин. – И он знает. Чего зря болтаешь, Костя? Было сказано председателем: под свеклу пойдет эта земля.

– Под свеклу?.. Что же вы делаете? Нужно на тридцать сантиметров, а тут, – Мартынов еще раз нагнулся над бороздой, смерил пальцами глубину, – пятнадцати сантиметров нет.

– Я уже ему говорил, – сердито поглядел на улыбавшегося тракториста Ладыгин. – У него батька кузнец, а мать доярка, в поле не ходят. А у меня мать и сестренка на свекле работают. Может, как раз им тут и участок отведут. Заработаю сахару – на два раза семейством чаю попить. Полны руки мозолей тут заработают, больше ничего!..

Тракторист молчал. Улыбка сходила с его круглого, толстощекого, загорелого лица.

– Как же ты, Ершов, так рискуешь? Ведь будут принимать участок, забракут, заставят перепахать – горючее за твой счет... –

Мартынов оглядел загон. – То вчера пахал? Там, видно, глубже. А это сегодня, с утра? Поелозил плугом.

– Он вот на что рассчитывал, Петр Илларионыч, – сказал шофер, подходя к Мартынову и указывая рукой на тучи. – На снежок.

– Не успеют принять пахоту – пойдет снег, закроет все грехи?..

– Машина не тянет, товарищ секретарь, – стал оправдываться тракторист. – Компрессии нет. Сколько уж работаю без ремонта!

– Вчера еще тянула, сегодня не тянет?.. Ершов сдвинул шапку на лоб, поскреб затылок.

– А зачем глубоко пахать, товарищ секретарь? Мы вот читали давеча в газете: один лауреат в Сибири совсем без пахоты сеет и хорошие урожаи собирает.

– Мальцев?.. – Мартынов пристально поглядел на тракториста: дурака валяет или в самом деле так превратно понял агротехнику уральского колхозника-ученого Терентия Мальцева? – Во-первых, Мальцев не совсем без пахоты сеет. Не ежегодно, но пашет. И когда пашет, то глубоко, сантиметров на пятьдесят. Во-вторых, что он сеет на непаханом поле? Пшеницу, ячмень. А здесь будет свекла. Корнеплоды. Им нужна рыхлая почва. И у нас, Ершов, кой-какие поля можно не пахать. Хорошее свекловище, например. Чистое поле, сорняков нет, обрабатывали его культиваторами – тот же черный пар. Зачем его весной перепахивать? Заборони и сей пшеницу. Понятно? Где не нужно, не паши совсем. А где нужно, паши как следует.

– Это мне-то говорите «не паши совсем»? Ого! Да какие же я на это права имею?..

– Ты хозяин этих полей. Ты же колхозник.

– Хозяин?.. – Ершов порылся в кармане, достал щепоть табаку и обрывок газеты, свернул толстую, в палец, сигарку, закурил. – Вон в колхозе «Новая пятилетка» бригадир один посеял в прошлом году наволоком по свекловищу тридцать гектаров – и судили человека. А урожай вышел – двадцать пять центнеров. А где перепахали свекловище – по десять. Стали убирать, колхозники ему говорят: «Попадавай на пересуждение». Подал, да что-то не слышать до сих пор – оправдался ли? Вот так-то всыпают нашему брату хозяевам!..

Мартынов внимательно выслушал тракториста.

– Пойдем-ка вон туда, под скирду, посидим. Там теплее. Тракторист, прицепщик, шофер и Мартынов сели в затишке на соломе.

– Послушай, Ершов. Неужели ты не заинтересован в том, чтобы ваш колхоз собирал высокие урожаи?

– Почему не заинтересован? Заинтересован...

– Зачем же безобразничаешь?.. Тракторист молчал.

– Да от свеклы-то ему интересу мало, ее по трудодням не дают, – сказал шофер. – А вот вы спросите, Петр Илларионыч, про хлеб. Есть ему расчет стараться, чтоб колхоз получил хороший урожай зерновых? Вот, к примеру, возьмем уборку. Какую пшеницу ему выгоднее убирать – где десять, скажем, центнеров, или где тридцать?

Ершов ухмыльнулся:

– Конечно, где десять центнеров – выгоднее.....

– Ну-ка объясни, почему?

– А тут и объяснять нечего. Неграмотная бабка поймет... Комбайнер от умолота получает, а я – тракторист, таскаю комбайн, мое дело – гектары вырабатывать. На редком хлебе комбайн лучше работает, пошел и пошел без задержки! Перевыполняю норму, прогрессивку мне начисляют. А как заехали на такой участок, где тридцать центнеров, пшеница стеною стоит, комбайн на полный хедер не берет – вот тут и завязли! Полноремы не выработаешь. Да пережог горючего. Да если еще дождики, поляжет хлеб. Труба!..

– Да-а, – протянул Мартынов. – Десять выгоднее убирать, чем тридцать? Интересно... А пять еще выгоднее?

– Как сказать... Оно-то нам разный минимум установлен. И по два и по три килограмма на трудодень дают. Хороший хлеб – по три, похуже – по два. Так на плохом хлебе я больше трудодней заработаю. Опять же так на так и выйдет.

– Рассчитал?

– Рассчитал! – усмехнулся шофер. – Юрист!..

– Оно, если разобраться как следует, – сказал прицепщик, – так и комбайнеру невыгодно очень хороший урожай убирать. На среднем хлебе он за то же время больше зерна намолотит.

– Факт! – подтвердил шофер. – На среднем хлебе у него все нормально идет, никаких задержек, а где тридцать центнеров, молотилка не перерабатывает – поломки да простои.

Мартынов долго молчал и вдруг крепко, с непечатным загибом, выругался.

– Дошло, Петр Илларионыч? – спросил шофер.

– Дошло, – ответил Мартынов. – И раньше об этом знал, но как-то не доходило до сердца. Куда же мы идем? Что за организация труда, при которой трактористу невыгодно выращивать высокие урожаи? В Министерстве сельского хозяйства думают об этом? Тысячи специалистов изучают колхозную жизнь. Сколько диссертаций написали, брошюр выпустили об организации труда в МТС и колхозах!.. Погоди, Ершов, давай уж проверим все до тонкости. Неужели так-таки нет у вас никакой заинтересованности в урожае? Два – три килограмма зерна на трудодень – это ваш гарантированный минимум, это вы получаете при любых обстоятельствах. Но если в колхозе вышло больше, по четыре – пять килограммов, – и вам дадут по столько же.

Ершов и Ладыгин засмеялись.

– Чего смеетесь?

– А было ли, товарищ Мартынов, в нашем районе за все время после войны, – сказал Ершов, – чтоб дали в каком-то колхозе по пять килограммов?

– При Борзове у нас все колхозы под одну гребенку причесывали, – сказал Ладыгин – Где и двадцать центнеров урожай, так заставят за отстающих выполнять хлебопоставки. Что же вы, не работали с Борзовым, не знаете? Вот мы, прицепщики и трактористы, и не верим теперь, что можно больше минимума получить.

– А вот на Кубани, Петр Илларионыч, – повернулся к Мартынову шофер, – иначе дело поставлено. Брат мой там учительствует. Часто мне пишет. Ни колхозы на МТС не обижаются за их работу, ни трактористы на колхозы – за обслуживание. Как-то согласованно у них идет. Вот там верят трактористы, что можно больше минимума получить! И по пяти и по шести килограммов на трудодень дают в колхозах. Кадры, что ли, там лучше?

– А может, Василий Иванович, ответил Мартынов, – и на Кубани еще больше бы урожая собирали, если б иначе оплату труда трактористов организовать?.. Что – Кубань? А у нас, в средней полосе, мало разве хороших МТС и колхозов? Но надо, чтоб они все стали хорошими!

...Подъехала горючевозка. Ершов с прицепщиком заправили баки, запустили мотор, установили плуг на нужную глубину. Машина нетяжело тянула плуг, мотор работал даже не на полный газ. Мартынов зло поглядел на тракториста. – Нет, Ершов, не прощу тебе этого! – крикнул он, идя по жнивью рядом с трактором. – Совесть, брат, все же нужно иметь! Пришлю сюда председателя колхоза. Пусть составит акт. Не успеешь перепахать – трудодни спишут. Ершов сделал вид, будто запорошило глаз, отвернулся, стал вытирать вспотевшее лицо черным, как его замасленная стеганка, платком. С беспокойной душой ехал Мартынов дальше по опустевшим, притихшим, ожидавшим с часу на час зимы полям.

«Что ж это, стоять над каждым трактористом? – думал он. – Ковыряться в бороздах, проверять «компрессию», заглублять плуги? Нет, так дело не пойдет. Таких Ершовых ничем, видимо, кроме рубля и килограмма, не прошибешь... А ведь это передний край – машинно-тракторные станции! Здесь урожай делается! От одного тракториста зависят судьбы сотен людей. Он может и завалить зерном амбары, может и без хлеба оставить колхозников. Как ни удобряй, ни подкармливай, а вот такой «юрист» вспашет тебе – не вспашет, поцарапает почву, – ну и жди урожая с этого поля! От козла молока!.. Конечно, нельзя рассчитывать лишь на совесть. Надо систему оплаты труда перестраивать. Как перестраивать? Подумать надо. Неужели нельзя найти такие формы – чем выше урожай, тем больше все получают по трудодням?.. Надо написать в обком. Не любят у нас в обкоме тревожных писем. Скажут: растерялся молодой секретарь, другие работали при тех же порядках, а ему вишь, подавай какие-то реорганизации.

А вот это я ему, Ершову, глупость сказал: «Где лучше бы не пахать – не паши совсем». Кому сказал? Рядовому трактористу. Не всякий и председатель колхоза решится на такую «самодетельность»... У нас – свекловище, а на юге вот площади из-под кукурузы, подсолнухов. Так называемый «зеленый пар». Умный хлебороб никогда не перепахивал «зеленый пар», хорошо обработанный, конечно. Уничтожены сорняки. Задержана влага, не нужно эту почву больше тревожить. Уберет бодылки, очистит поле, пустит боронку и сеет пшеницу. В любой год будет выше урожай, а в засушливый – вдвое выше, чем по зяби. Но попробуй-ка сейчас председатель колхоза посеять по зеленым парам «наволоком»! Не успеет еще взойти пшеница, еще неизвестно, кто прав, этот ли председатель, опытный хлебороб, или те канцеляристы, что посевные

инструкции сочиняли, а у прокурора уже «дело» на него – за нарушение агротехники. Точно так, как с этим бригадиром, что Ершов говорил! Если мы, районные работники, простим «нарушителя» – нас взгреют. Посмотрят по сводке – сев на сто процентов, а план весновспашки не выполнен. «Каким же вы чудом посеяли? Что-то у вас, друзья, концы с концами не сходятся... А ну, подать сюда ляпкиных-тяпкиных!»

Иногда мы так уж подробно расписываем в своих инструкциях и резолюциях: когда сеять, как сеять, как убирать, точно боимся, что колхозники без наших указаний не смогут и лошадь правильно в телегу запрячь. Будто не с хлеборобами имеем дело. Себя тратим на мелочи и разумную инициативу людей сковываем. Если не верим в способности председателя колхоза или директора МТС – не нужно держать таких. Сельское хозяйство требует гибкости, смелости, находчивости. Здесь, как в бою, приходится прямо на поле принимать решения. Год на год не похож. Заранее, из кабинетов, всего не предусмотреть. То ранняя весна, то поздняя, то засуха, то дожди заливают. Вот, скажем, затяжные дожди срывают уборку. А попробуй пустить жатки на участки, закрепленные за комбайнами! «Антимеханизаторские настроения!» Хотя всем ясно, что в такую погоду нужно бросать все, не только жатки – и косы, и серпы – на спасение урожая!

У нас не так, как в промышленности: закончен рабочий день, и можно итоги подвести, продукция налицо. Хлебороб целый год работает, пока сможет свою продукцию показать. В деревне цыплят по осени считают. И надо бы не торопиться объявлять нам выговоры за «нарушения». Терпеливее надо относиться к таким «нарушениям», когда люди хотят сделать лучше, чем предписано. Надо ругать или благодарить за урожай, а не за одну какую-то выхваченную из целого сельскохозяйственного года «кампанию»...

Самый страшный враг у нас сегодня – формализм, – думал Мартынов, откинув голову на спинку сиденья, закрыв глаза. – Эх, брат, Петр Илларионыч! Если хочешь по-настоящему поработать в этом районе, а не поденщину отбыть – трудно тебе придется! Много у этого самого формализма разветвлений. Формально руководить – отстающие колхозы не вытянешь. Напиши хоть сотню резолюций: «указать», «обязать», «предложить». Мелочным опекуном не заменишь настоящей заинтересованности колхозников в хорошей работе... А судьбы колхозного урожая в руках механизаторов. Но им, оказывается, выгоднее вырастить десять центнеров, чем тридцать. Вот где узел! Отсюда надо начинать распутывать. Собрать бы коммунистов-механизаторов в райком, поговорить с ними.....

– Дремлете, Петр Илларионыч? – спросил шофер.

– Нет, – открыл глаза Мартынов. – Так, задумался...

– Снег идет.

Мартынов приоткрыл окно, чтобы выбросить погасший окурочок. В щель со свистком ворвался ветер. В полях потемнело. Снег валил крупными хлопьями.

– Рассчитал Костя, химик! – сказал шофер. У него было два слова, которыми он определял высшую степень хитрости: «юрист» и «химик». – В точку! К утру всю землю забелит, никто уж не будет в его бороздах копаться.

– Нет, Василий Иванович, – ответил, помолчав, Мартынов. – То, чего мы не доделаем, никакой снег не забелит. Ни снег, ни бумажки-сводки. Придет лето – урожай покажет, как мы поработали.

Правда. 1953. 20 июля